

Г. Кирдецов

У ворот Петрограда

1919–1920 г.г.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Кирдецов**
У ворот Петрограда: 1919–1920 г.г. / Г. Кирдецов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 356 с.

ISBN 978-5-517-97605-5

ISBN 978-5-517-97605-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Къ Финскимъ берегамъ.

3-го января 1919 г. на пароходѣ, шедшемъ изъ Стокгольма въ финскія шхеры, вниманіе пассажировъ привлекалъ къ себѣ нѣкій господинъ лѣтъ 50-ти, небольшого роста, сутуловатый, широкоплечій, съ бычьимъ затылкомъ и непомѣрно длинными усами. Онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ за общимъ столомъ, старательно пряталъ глаза при случайныхъ встрѣчахъ, а когда его о чемъ-либо спрашивали, то вмѣсто него торопливо отвѣчали то одинъ, то другой изъ двухъ другихъ пассажировъ неотлучно его сопровождавшихъ.

Онъ явно внушалъ обоимъ большое уваженіе, минутами даже страхъ. Ихъ разговоръ также не имѣлъ характера бесѣды равныхъ межъ собой людей: онъ ставилъ краткіе вопросы или дѣлалъ столь-же краткія замѣчанія, они, — почтительно поддаваясь корпусомъ впередъ, отвѣчали, и въ такихъ случаяхъ до меня долетало отрывистое, придушенное: «такъ точно, ваше...ство» или: «слушаюсь»... На палубѣ, бывало, когда «онъ» гулялъ, заложивъ руки на спину и отмѣривая шаги, они словно его охраняли, держась чуть-чуть позади и подобострастно заглядывая ему въ лицо.

Одинъ только разъ — помню — за весь переходъ до Або среди немногочисленныхъ русскихъ

пассажировъ завязалась общая краткая бесѣда. Заговорили о томъ, что наболѣло на душѣ — о большевизмѣ и большевикахъ.

То было время первыхъ «южныхъ» надеждъ: бывшая кавказская армія успѣшно отбивалась отъ мѣстныхъ большевиковъ; въ Ростовѣ на Д. послѣ смерти Алексѣева, Красновъ и Деникинъ организовывали свои первые добровольческіе отряды; изъ Украины, вслѣдствіе капитуляціи германцевъ на западѣ и, согласно договора о перемиріи, успѣшно уходили длинные эшелоны арміи ген. Эйхгорна, загромождая всѣ пути, идущіе на западъ, покидая во многихъ мѣстахъ обозы, артиллерию, продовольствие и снаряженіе.

* * *

...Кто первый, вслѣдъ за уходящими нѣмцами, займетъ этотъ обширный край, растянувшійся отъ Одессы до Пинскихъ болотъ и отъ Ростова на Д. до курскихъ окраинъ? Большевики напираютъ съ сѣвера, Петлюра съ запада, т.-е. изъ Восточной Галиціи. Красновъ съ донскими казаками держитъ курсъ на Екатеринославъ и Донецкій бассейнъ...

Но красная армія Троцкаго еще только образовывается, Петлюра только пугаетъ своими «корпусами», потому что, въ дѣйствительности, вслѣдствіе перемирія на западѣ отъ него откалываются успѣшно одинъ за другимъ всѣ его австро-галиційскіе легіоны, Красновъ-же находится подъ явнымъ политическимъ подозрѣніемъ за свое сотрудничество съ нѣмцами.

Еще помнили, что недавно, за мѣсяць — два до германскаго краха на западѣ, онъ посылалъ въ Берлинъ съ официальной миссіей къ Вильгельму своего друга герцога Лейхтенбергскаго и просилъ рѣшительнаго Гогенцоллерна отъ имени «десятковъ

милліоновъ русскихъ людей» осуществить возможно скорѣе планъ ген. Гоффмана (знаменитаго героя Брестъ-Литовска) т. е. занять Москву и Петроградъ, а тамъ, Богъ дастъ, все устроится на славу—монархія въ Россіи будетъ восстановлена въ полномъ объемѣ и русскій народъ и его династія вѣчно будутъ чтить память Вильгельма...

Этому эпизоду посвящены характерныя мѣста въ появившихся недавно воспоминаніяхъ „*Erlebnisse im Kriege*“ вождя германскаго центра, б. министра финансовъ въ первомъ германскомъ республиканскомъ кабинетѣ, д-ра Эрцбергера, который, благодаря своей близости къ тогдашнему канцлеру Бетману-Гольвегу, очевидно былъ посвященъ во всѣ детали предстоявшаго «дѣла». Но Эрцбергеръ, какъ, впрочемъ, и Людендорфъ, а вмѣстѣ съ ними и Гельферихъ, побывавшій въ Москвѣ послѣ убійства гр. Мирбаха (6-VII-1918), одинаково подчеркиваютъ, что августовскій планъ ген. Гоффмана, политически подготовленный въ самой Россіи не только красновской челобитной, но еще въ большей мѣрѣ знаменитой по своей внезапности «оріентаціей» Милюкова на нѣмцевъ. — всѣ эти современники и участники событій согласно указываютъ, что планъ двинуть 8 дивизій, стянутыхъ въ районѣ Орши, на Москву, а 4, сосредоточенныхъ подъ Псковомъ, — на Петроградъ былъ сорванъ исключительно военными событіями на германскомъ фронтѣ во Франціи. Въ ночь на 9-ое авг. англо-французская армія прорвала германскія линіи въ районѣ Мондидье на большомъ участкѣ, и съ того момента вплоть до капитуляціи и заключенія перемирія нѣмцамъ «уже не до Россіи было»; дивизіи, сосредоточенныя въ Оршѣ и Псковѣ попалились для затычки западныхъ дыръ, а другихъ свободныхъ резервовъ для дѣйствія противъ Петрограда и Москвы уже не было.

Такъ, по свидѣтельству небезпристрастныхъ

лѣтописцевъ императорской Германіи, грандіозному плану, имѣвшему при тогдашнихъ условіяхъ много шансовъ на успѣхъ, не суждено было осуществиться. П. Н. Милуковъ скоро опять пошелъ въ Капоссу, переправившись въ Парижъ, а оттуда въ Лондонъ; Красновъ же, изгнанный донской Радой и скомпрометированный у Деникина, перенесъ свою квартиру на другой конецъ Россіи — въ Ревель, въ ряды сѣв. зап. арміи, въ моментъ, когда она готовилась взять Петроградъ и оттуда протянуть руку Деникину, наступавшему черезъ Орель и Тулу на Москву...

Объ этомъ и другомъ говорили русскіе пассажиры — «бѣженцами» насъ тогда еще не называли.

«Онъ», выслушалъ различныя пророчества, политическія и стратегическія объясненія общаго положенія, а также рассказъ о томъ, какъ каждый изъ пассажировъ, прежде чѣмъ попасть на суденышко, отвозившее насъ къ берегамъ Финляндіи, долженъ былъ пройти черезъ Спиллу и Харибду всевозможныхъ визъ, шлагбаумовъ, опросовъ и арестовъ — выслушавъ все это съ олимпійскимъ спокойствіемъ, онъ молвилъ, наконецъ, сильно потянувъ внизъ свой длинный лѣвый усъ:

— Еще хуже будетъ... Хуже...

Такіе-же проблески здороваго оптимизма и вѣры въ Россію мнѣ довелось обнаружить черезъ нѣкоторое время въ Гельсингфорсѣ у другого извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля — у В. Д. Кузьмина-Караваева, о которомъ кто-то еще въ Петроградѣ однажды мѣтко сказалъ, что въ царскую эпоху «это былъ либераль въ генеральскихъ кругахъ и генераль—въ либеральныхъ». Хотя заслуга эта передъ російскою общественностью не велика, но въ Гельсингфорсѣ весной и лѣтомъ 1919 г. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и расшатанное здоровье, все же сдѣлался

активнѣйшимъ членомъ такъ называемаго Политическаго Совѣщанія при будущемъ Главнокомандующемъ сѣверо-западнаго фронта. Онъ велъ переговоры (черезъ переводчиковъ) съ англичанами объ оружіи и снаряженіи, съ американцами — о продовольствіи для Петрограда, а въ свободные часы срывалъ «фронду», исходившую отъ столпа гельсингфорской оппозиціи нѣкоего сенатора С. В. Иванова, б. председателя петроградской Городской Управы. Тотъ, напримѣръ, находилъ, что все дѣло снабженія Петрограда продовольствіемъ и санитаріей должно было представлено «закономѣрному органу городского Самоуправленія», каковымъ онъ столь-же закономѣрно считалъ себя и двухъ-трехъ петроградскихъ гласныхъ, случайно оказавшихся тогда въ Гельсингфорсѣ, а не самочинному политическому совѣщанію при Главнокомандующемъ.

Въ этомъ выражалась вся его оппозиція . Но за эту дерзновенную смѣлость С. В. Ивановъ и прослылъ тогда въ Гельсингфорсѣ «демократомъ», вождемъ оппозиціи, между тѣмъ какъ либераль изъ генеральскихъ круговъ — В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, — тяготѣлъ больше къ «умѣреннымъ» — централистамъ.

И вотъ однажды — это было вскорѣ послѣ перваго неудачнаго наступленія на Петроградъ со стороны Ямбурга — когда молодые элементы за чашкой чая у А. В. Карташева стали напирать на Политическое Совѣщаніе, требуя отъ него болѣе активныхъ дѣйствій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, выслушавъ ихъ горячія рѣчи, спокойно молвилъ съ выраженіемъ глубокой покорности судьбѣ:

— Погибла Греція, погибъ Римъ, погибнетъ, очевидно и Россія...

То-же пророчествовалъ, какъ мы видѣли, и нашъ спутникъ на пароходѣ, которому черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ описанной здѣсь встрѣчи суждено было

стать на нѣкоторое время обще-міровой знамени-
тостью и «почти» золотыми буквами вписать свое
имя въ страницѣ исторіи Россіи.

Это былъ — Юденичъ.

* * *

Я началъ свой трудъ съ описанія встрѣчи съ
Юденичемъ, конечно, не потому что я склоненъ
былъ-бы считать его выдающейся фігурой въ обла-
сти политики или стратегіи; еще меньше въ мои за-
дачи входитъ сдѣлать изъ него національнаго «ге-
роя», которому якобы только по злему капризу
судьбы не удалось завершить дѣло освобожденія
Петрограда осенью 1919 г. и тѣмъ самымъ автома-
тически положить начало общему изгнанію боль-
шевиковъ изъ Россіи.

Напротивъ, мнѣ хотѣлось бы только показать,
какъ идеологія бѣлаго против-большевистскаго
движенія неизбѣжно должна была привести къ
магическому превращенію маленькаго ничтожнаго
человѣка въ «диктатора», что соціально-политиче-
скія силы, лежавшія въ основѣ анти-большевист-
ской вооруженной борьбы на всемъ протяженіи рос-
сійской территоріи неуклонно и неминуемо должны
были привести къ краху всего движенія — незави-
симо отъ вопроса, гдѣ какой «диктаторъ» дѣйстви-
тельно находился ли лѣтомъ и осенью 1919 г. на бе-
регахъ Финскаго залива «самъ» верховный прави-
тель или только его намѣстникъ карриатура
«Главнокмандующаго» — Юденичъ.

Болѣзнь бѣлаго движенія была, вѣдь, не въ ли-
цахъ, не въ тѣхъ или иныхъ военно-политическихъ
«фігурахъ». оказавшихся по случайному стеченію
обстоятельствъ во главѣ его, а въ отсутствіи у него
идеологіи или, точнѣе по выраженію Апатоля Фран-
са. въ «злой» его идеологіи.

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, во внутреннюю
сущность дѣла.

Всѣ бѣлые фронты 1919—1920 г. г. имѣли свои особенности, обусловленные мѣстными географическими, національными, гражданско-политическими и международно-правовыми факторами. У Колчака были одни условія, у Деникина — другія, на Архангельскомъ и Мурманскомъ фронтахъ—третьи, на сѣверо-западѣ, наконецъ, подъ Петроградомъ — четвертыя. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей вліявшія, несомнѣнно, въ большей или меньшей степени на ходъ событій, складывались въ пользу антибольшевистской борьбы, другія — во вредъ. И тѣмъ не менѣе движеніе потерпѣло крахъ на всѣхъ фронтахъ и почти одновременно — подобно тому какъ крахомъ же кончались войны, которыя французскіе эмигранты эпохи Великой Революціи — прямо или косвенно— вели противъ голодной арміи Конвента. Послѣдній— помните— порознь и купно билъ пруссаковъ, австрійцевъ, испанцевъ, сардинцевъ, словомъ кому только охота была быть битымъ; англичанъ даже съ ихъ флотомъ армія Конвента голыми руками изгнала изъ Тулона.

На этихъ «особенностяхъ» нашихъ различныхъ противобольшевистскихъ фронтовъ мы остановимся впоследствии, въ частности, въ отдѣльной главѣ мы покажемъ, напримѣръ, насколько на б. сѣверо-западномъ «юденичскомъ» фронтѣ англійскій элементъ игралъ далеко не послѣднюю роль, бросающую обильный свѣтъ на общую политику Англии въ русскомъ вопросѣ. И пусть не указываютъ идеологи нашего бѣлаго движенія, что именно эта разновидность мѣстныхъ условій, въ которыхъ приходилось дѣйствовать отдѣльнымъ фронтамъ и привела къ краху, что, молъ, каждый отдѣльный диктаторъ и его армія и правительство были плѣнниками окружающей обстановки и жертвами скрепивавшихся международныхъ вліаній. Пусть не указываютъ они и на параллель міровой войны въ этомъ вопросѣ.

Вѣдь, послѣдній аргументъ говоритъ какъ разъ

противъ нихъ. Военно-стратегическія и гражданско-политическія особенности союзныхъ фронтовъ въ Европѣ и Азіи представляли собой, насколько понятно даже для малограмотныхъ, самую пеструю картину мѣстныхъ особенностей, обусловленныхъ длинной серіей историческихъ, географическихъ, социальныхъ и даже религіозныхъ причинъ. И тѣмъ не менѣе союзники не только вышли сухими изъ воды, но даже оказались побѣдителями по всей линіи. Значить, не въ мѣстныхъ особенностяхъ кроется вопросъ о побѣдѣ или разгромѣ большого движенія, а въ основной идеѣ, которая руководить всѣмъ движеніемъ.

Пруссія въ 1870 г. разгромила Францію Наполеона III потому, что она была сильна не только пушками и митральезами, но, главнымъ образомъ, здоровой идеей національнаго объединенія Германіи; Франція-же второй имперіи была до корня развращена политически и морально, а ея солдаты, естественно, не понимали почему, въ сущности, они должны бить пруссаковъ во имя неприкосновенности испанскаго престола.

Даже идеологи чистѣйшаго технического милитаризма давно уже признаютъ, что идея — все.

«Стратегія — это та-же политика, но съ другими средствами» — училъ Клаузевицъ несомнѣнно и нашихъ отечественныхъ генераловъ. Политика-же, какъ извѣстно, съ неба не падаетъ. Она — игра интересовъ и техническое выраженіе идей.

Великая Французская Революція была сильна именно своей идеей, — въ этомъ согласны всѣ ея научные изслѣдователи отъ Карлейля и Тэна до Жореса; достаточно было, чтобы, скажемъ, всего 5% голодныхъ оборванныхъ солдатъ Конвента были убѣждены, что они несутъ на остріѣ своихъ штыковъ свободу, равенство и братство; достаточно было имъ знать и вѣрить, что противъ нихъ дѣйствуютъ реставраторы — и революціонная армія въ цѣломъ творила чудеса на поляхъ сраженія, вписавъ

Жеманъ и Вальми золотыми буквами въ общую военную исторію Франціи.

Все это — азбука для современныхъ поколѣній; но если требуется еще какое нибудь убѣдительное доказательство, то оно дано было въ прошломъ году результатами польско-совѣтской войны.

Французскій генераль Вайганъ, начальникъ штаба Фоша, организаторъ обороны Варшавы и сентябрьскаго польскаго контръ-наступленія, завершившагося разгромомъ Совѣтской арміи, по возвращеніи въ Парижъ суммировалъ свои впечатлѣнія о польской и совѣтской арміяхъ въ военно-техническомъ отношеніи двумя словами: «обѣ хуже»...

Въ чемъ-же секретъ несомнѣнной побѣды поляковъ? Почему они имѣли свою «Марну», если отдѣльныя ихъ части были вооружены косами вмѣсто винтовокъ, а обмундированіе и снаряженіе уступало большевистскимъ.

А потому что, скажемъ, 5% ихъ солдатъ вѣрили въ правоту своей идеи и были убѣждены, что вступивши Радекъ во главѣ сколоченнаго имъ въ Бѣлостоку совѣтскаго правительства въ Варшаву — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль Польша превратится въ такой же рай, какъ Россія, гдѣ мухи дохнутъ отъ голода, а Чрезвычайка — «править».

И пусть не лжетъ лишній разъ совѣтское правительство, что, молъ, стрѣлочники виноваты въ военной катастрофѣ, что какой то Вуденный (вчерашній герой) непростительно «зарвался», а красная армія, подойдя къ стѣнамъ Варшавы, оказалась утомленной длинными переходами и артиллерія вовсе не поспѣвала... Эти оправданія стоятъ столько-же, сколько подобныя-же защитительныя рѣчи на устахъ любого моднаго адвоката буржуазнаго правительства. «Переутомленіе» красной арміи, разъ она въ постоянныхъ бояхъ и «прорывахъ» прошла что-то около 500 верстъ, можно было предви-

дѣтъ, а что до артиллеріи и обозовъ — то ихъ качество и темпъ передвиженія зналъ, надо думать, не только Главковерхъ Тукачевскій, но любой артиллерійскій поручикъ.

Нѣтъ, не въ этомъ секретъ пораженія подѣ Варшавой, а въ томъ, что красная армія шла въ бой изъ подѣ палки, безъ идеи, безъ вѣры въ свое дѣло. Былъ, правда, моментъ, когда и она, такая же голая и босая, какъ польская, одерживала побѣды и стала внушать къ себѣ уваженіе выдающихся военныхъ авторитетовъ Европы, что, въ свою очередь, замѣтно стало вліять на общій престижъ Совѣтской власти. Но это наблюдалось только тогда, когда (май и іюнь 20 г.) маршалъ Пилсудскій, считая, что разъ въ Совѣтской Россіи «все лежитъ плохо», то и Польшѣ можно поживиться, вздумалъ учинить свой набѣгъ на Кіевъ и бѣло-русскія земли. Но при блестящемъ отпорѣ, который дала ему тогда красная армія она не была «красной», подобно тому какъ далеки были отъ яacobинства и тѣ французскіе полки, которые по приказу Конвента изгнали англичанъ изъ Тулона въ какія нибудь сутки. Когда же коммунистическій имперіализмъ сталъ толкать эту армію все дальше и дальше, не взирая на то, что этнографическая линія Керзона, принятая большевиками, да еще съ маленькимъ плюсомъ, давно уже была пройдена, когда Ленинъ вздумалъ использовать не «красную» свою армію въ цѣляхъ ускоренія взрыва социальной революціи на Западѣ черезъ варшавскія ворота — то оказалось, что изъ двухъ армій, изъ которыхъ одна, по выраженію Вейгана, «хуже другой», побѣдила та, которая въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ была болѣе сильна своей идеей — польская.

И по аналогіи — примѣнительно къ затронутому здѣсь вопросу о Юденичѣ — надлежитъ сказать то-же что о большевистскомъ Главкомандую-